

Серия «Классика библеистики»
Золотой фонд русской библеистики

Владимир Петрович
РЫБИНСКИЙ

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПРОРОКИ

Впервые опубликовано:
Труды Киевской духовной академии,
1907, т. III, № 12, с. 603–619

© Сканирование и создание электронного варианта:
Кафедра библеистики Московской духовной академии
(www.bible-mda.ru) и Региональный фонд поддержки
православного образования и просвещения «Серафим»
(www.seraphim.ru), 2005.

Кафедра
библеистики МДА

Фонд
«Серафим»

Москва
2005

Ветхозавѣтные пророки.

Въ исторіи избраннаго народа еврейскаго, кромѣ царей, судей, священниковъ и старѣйшинъ, мы встрѣчаемъ еще особыхъ дѣятелей, которые въ Библии обыкновенно называются пророками, рѣже прозорливцами или провидцами, иногда людьми Божиими вообще. Рядъ этихъ дѣятелей начинается Моисеемъ, законодателемъ еврейскаго народа и первымъ его пророкомъ. Со времени Моисея этотъ рядъ почти не прерывается въ теченіе многихъ столѣтій, до самой послѣдней эпохи израильской исторіи. При этомъ, съ особенной энергіей пророки выступаютъ въ критическіе періоды израильской исторіи, — когда страна испытывала тяжкія бѣдствія и сильныя общественныя потрясенія. Таково, напр., было время Самуила, когда со внѣ народа угрожали враги, а внутри поднимались раздоры, начиналось раздробленіе и анархія. Такова же была эпоха, послѣдовавшая за раздѣленіемъ царствъ, когда сосѣди дѣлили территорію избраннаго народа, цари стали на путь ложной политики, а народная масса утокала въ безнравственности и идолопоклонствѣ.

Дѣятели, которые называются пророками, не составляли какой-либо замкнутой касты и не принадлежали къ какому-либо одному классу общества. Между ними были и жители Иерусалима и уроженцы глухихъ и отдаленныхъ мѣстъ Палестины. Среди нихъ мы встрѣчаемъ Исаію, повидимому,

ена царскаго рода, Іеремію и Іезекіиля священниковъ, Мия—человѣка, вышедшаго изъ народа, и Амоса, прямо взяго отъ стада. Призваніе этихъ дѣятелей состояло въ томъ, обы служить посредниками между Богомъ и народомъ и раять неприкосновенность опредѣленнаго для Израиля въ конѣ строя. По библейскому выраженію, пророки были ражами этого строя. Основой этого строя были три учреженія: законъ, іерархія и царская власть. Пророки были юстителами неприкосновенности и чистоты именно этихъ ихъ учреждений. Они поддерживали и воспитывали въ надѣ чувство законности, научая вмѣстѣ съ тѣмъ влагать шу въ мертвыя формы закона. Они дополняли служеніе ященниковъ, предохраняя отъ мертваго формализма храмоіе обряды и богослуженіе. Они, наконецъ, слерживали мовластіе царей и полагали границу произволу царскаго авленія, охраняя богоустановленное равновѣсіе между морхией и теократіей. Имѣя такія задачи, пророки выступали мъ, гдѣ постоянные представители народа не выполняли оего долга. Иногда, когда требовали чрезвычайныя обоятельства, пророки активнымъ образомъ вмѣшивались въ изнь; они (какъ Самуиль и Елисей) поставляли и низлали царей, исправляли начальственные и даже священничеія функціи. Но обыкновенно пророки исполняли свое прианіе посредствомъ слова. Это были проповѣдники, выступшіе то съ совѣтами, то съ обличеніями, то съ угрозами.

Всматриваясь ближе въ личность этихъ проповѣдниковъ, л не можемъ предъ ними не преклониться въ чувствѣ глукяго благоговѣнія. Нечего и говорить о томъ, что пророки ставляли благороднѣйшее зерно и цвѣтъ народа еврейскаго. ѣтъ сомнѣнія, и въ исторіи всемірной это были лучшіе лю-, прекраснѣйшіе образцы чистыхъ чувствъ, возвышенныхъ ремленій и святой жизни. Это были люди, пламенно одувленные истиной и добромъ, всѣмъ великимъ и благородимъ. Въ годы упадка религіи и полнаго нравственнаго

развращенія они только осуществляли библейскій идеаль праведности. Въ то время, когда главы народа судили за подарки, священники учили за плату и лживые прозорливцы предвѣщали за деньги, они одни оставались нелицемѣрными и безкорыстными стражами истины. Ничто не могло заставить ихъ измѣнить этой истинѣ, и они безбоязненно свидѣтельствовали о ней и въ храмѣ, и на площадяхъ города. Они не страшились при этомъ ни гнѣва царей, или князей дома Израилева, ни народнаго нерасположенія. Въ жертву этой истинѣ они приносили свою семейную жизнь и все свое благополучіе. Многие изъ нихъ запечатлѣли свое свидѣтельство объ истинѣ страданіями и даже смертью. По преданію, Амосъ, Исаія, Іезекіиль были убиты за свои обличенія. Жизнь Іереміи, описанная въ его книгѣ, была сплошнымъ страданіемъ въ борьбѣ за идеалы, которые онъ былъ призванъ провозглашать. Его проповѣдь сдѣлала его врагомъ въ глазахъ всего народа, предметомъ злобы и насмѣшки. Въ родномъ городѣ противъ него составляютъ заговоръ и ему говорятъ: „не пророчествуй во имя Господа, чтобы не умереть тебѣ отъ рукъ нашихъ“ (11, 22). Въ Иерусалимѣ онъ терпитъ побои и преслѣдуется, какъ богохульникъ и измѣнникъ за то, что предсказываетъ паденіе царства и разрушеніе храма. Какъ люди, пророки испытывали иногда колебанія духа подъ вліяніемъ тяжести своего служенія. Но эти колебанія были кратковременны. „Слово Господне“, говоритъ о себѣ Іеремія, „обратилось въ поношеніе мнѣ и въ повседневное посмѣяніе. И подумалъ я: не буду я вспоминать о Немъ и не буду болѣе говорить во имя Его. Но было въ сердцѣ моемъ какъ-бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и не могъ“ (20, 8—9).

Съ этимъ одушевленіемъ пророковъ къ служенію истинѣ соединялся ихъ пламенный патріотизмъ. Пророки дѣйствительно любили свой народъ, жили его горестями и его

достями. Въ этой любви они и почерпали силы къ своему мудному дѣлу. Доказательства этой любви разсѣяны на каждой страницѣ пророческой письменности. Ею дышутъ и рѣчи пророковъ о славномъ будущемъ народа, и ихъ обличенія современниковъ. Сколько глубины чувства, напр., въ словахъ Іереміи: „О сокрушеніи дщери народа моего я сокрушаюсь, хожу мраченъ, ужасъ объялъ меня. Отчего же бѣтъ исцѣленія дщери народа Моего? О, кто дастъ головѣ твоей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ. Я плакалъ-бы день и ночь о пораженныхъ дщери народа моего (9, 1). обавимъ, что съ особенной силой эта любовь пророка къ своему народу проявлялась по отношенію къ низшимъ классамъ, и всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Скорблю въ глубинѣ сердца моего, волнуется во мнѣ сердце мое, не могу молчать, ибо ты слышишь, душа моя, звукъ трубы, тревогу брани. Бѣда за бѣдою, земля опустошается. Выхожу я на поле, и вотъ убитые мечомъ; вхожу въ городъ,— и вотъ стаевающие отъ голода. Надежда Израиля, Спаситель его во время скорби! Для чего ты, какъ чужой въ этой землѣ, какъ прохожій, который зашелъ переночевать? Развѣ ты сохъ отвергъ Іуду? Развѣ душѣ твоей опротивѣлъ Сіонъ? Для чего поразилъ насъ такъ, что нѣтъ намъ исцѣленія? Ждемъ мира, и ничего добраго нѣтъ, ждемъ времени исцѣленія, и вотъ ужасы“... (14, 8. 18—19).

Высотѣ нравственной личности пророковъ соответствующъ и содержаніе ихъ проповѣди,—кругъ идей, раскрывавшихся ими. Этотъ кругъ, прежде всего, чрезвычайно широкъ. Тотъ въ центрѣ жизни, пророки касаются всѣхъ сторонъ ея. Въ своихъ рѣчахъ они устанавливаютъ основы религіи и равенственности, опредѣляютъ принципы отношеній между классами общества, даютъ руководящія указанія для политики. Взятое въ цѣломъ міровоззрѣніе пророковъ представляетъ, безъ сомнѣнія, нѣчто величественное, глубокое по своему смыслу, законченное и стройное по своей формѣ. Въ то

время, когда образованнѣйшіе народы міра погружены были въ бездну грубаго многобожія, идолопоклонства и разныхъ суевѣрій, когда отъ нихъ не могли отрѣшиться даже величайшіе умы древности,—только пророки громкимъ голосомъ, съ полною ясностью и увѣренностью говорили о единомъ личномъ Богѣ, Святомъ, всевѣдущемъ и всемогущемъ. Въ вѣка господства грубой физической силы и признанія за ней повсюду высшаго авторитета, одни пророки возстаютъ противъ всякаго насилія и провозглашаютъ высокое значеніе правды кротости, милости и нравственной чистоты. Одни они съ полною ясностью раскрываютъ убѣжденіе, что все существующее имѣетъ разумный смыслъ и высшую цѣль, что исторія человѣчества представляетъ не простую цѣпь случайностей, а направляется высшей волей. Идеаль жизни для пророковъ заключается въ томъ, чтобы „земля наполнилась познаніемъ славы Господа, какъ воды наполняютъ море“ (Авв. 2, 13), чтобы Израилю, а съ нимъ и всему человѣчеству дано было новое сердце, новый духъ и чистыя уста (Иез. 36, 26; Соф. 3, 9), чтобы всѣ народы перековали мечи свои на орала и конья на серпы и не учились болѣе воевать“ (Ис. 2, 2—3). И всѣ рѣчи пророковъ проникаетъ увѣренность, что этотъ идеаль осуществится, что добро есть могущественная сила, которая рано или поздно восторжествуетъ. Поэтому, трудясь главнымъ образомъ для настоящаго, для своего родного народа, пророки нерѣдко устремляютъ свой взоръ къ будущему всего человѣчества и изображаютъ постепенный ходъ его. Изъ обличителей, совѣтниковъ народа они дѣлаются предсказателями и съ увѣренностью начертываютъ будущія судьбы народовъ. Эти предсказанія будущаго составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ пророческой проповѣди.

Указанныя идеи, раскрывавшіяся пророками, въ цѣломъ представляютъ нѣчто величественное, превосходящее всю мудрость древняго міра и, въ существѣ дѣла, не превзойденное еще и нами. Замѣтимъ, что эти идеи облечены у

пророковъ въ высоко художественную форму, изложены съ такою силою, и такимъ языкомъ, которые, безъ сомнѣнія, даютъ пророкамъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду величайшихъ писателей, ораторовъ и поэтовъ челоѣчества.

Таково, въ главныхъ чертахъ, то явленіе которое мы называемъ пророчествомъ.

Оно, значитъ, состояло въ томъ, что израильскому народу въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій посылались идеальныя юди, способныя постигнуть высшія религіозныя и этическія истины и обладавшія при этомъ исключительнымъ даромъ проникать въ будущее.

Останавливаясь предъ этимъ явленіемъ, изслѣдователь спрашиваетъ, гдѣ его источникъ и причины. Чѣмъ объяснить, что пророки явились не въ Греціи, подчинившей міръ своему генію, не въ Римѣ, завоевавшемъ цѣлый свѣтъ, не въ Вавилонѣ и Египтѣ,—въ этихъ колыбеляхъ древней цивилизациі? Почему пророковъ дала міру ничтожная страна, ничего не сдѣлавшая ни для науки, ни для искусства, ни для матеріальной культуры,—страна, никогда не игравшая сколько-нибудь значительной роли? Какимъ образомъ юди съ столь широкимъ міровоззрѣніемъ, съ столь высокими нравственными идеалами, какъ у пророковъ, вышли изъ среды народа, который всегда былъ склоненъ къ исключительности и національному эгоизму?

Библия даетъ намъ отвѣтъ на эти вопросы. Возникновеніе профетизма въ средѣ израильскаго народа она представляетъ не плодомъ національнаго генія или какихъ-либо историческихъ условій, а слѣдствіемъ божественнаго воздѣйствія. По библейскому воззрѣнію, пророки были органами божественнаго откровенія и вся ихъ дѣятельность была вдохновеніемъ самого Бога.

Мы дѣйствительно видимъ, что и въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ дѣйствіяхъ пророки выступаютъ въ качествѣ лицъ, стоящихъ въ особыхъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ

Богу. Они сознають себя посвященными въ планы Іеговы, и одинъ изъ нихъ, именно Амосъ рѣшительно говоритъ: „Господь Богъ ничего не дѣлаеть, не открывъ Своей тайны рабамъ Своимъ пророкамъ (3, 7). Они, далѣе, чувствуютъ въ себѣ присутствіе чрезвычайной силы Божіей, при помощи которой могутъ творить чудеса. Напр., Исаія, обращаясь съ словомъ къ царю Ахазу, съ увѣренностью предлагаетъ ему: просить себѣ знаменія или на глубинѣ или въ высотѣ. Кромѣ того, пророки прямо утверждаютъ, что они посланы Богомъ, что чрезъ нихъ говоритъ самъ Богъ и что ихъ слово есть истинное слово Божіе. „Я былъ пастухъ, говоритъ о себѣ Амосъ, и собиралъ сикоморы. Но Господь взялъ меня отъ овецъ и сказалъ мнѣ Господь: иди, пророчествуй къ народу Моему Израилю“ (Ам. 7, 14—15). Пророки сохраняютъ ясное воспоминаніе о началѣ своихъ непосредственныхъ отношеній къ Богу или о своемъ призваніи. Исаія, Іеремія, Іезекиль подробно даже описываютъ, какъ совершилось ихъ призваніе къ пророческому служенію. При этомъ всѣ выраженія, въ которыхъ говорятъ пророки о своихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Богу настолько многочисленны, положительны и опредѣленны, что не оставляютъ мѣста для какихъ-либо сомнѣній и недоумѣній касательно ихъ подлиннаго смысла.

Имѣемъ ли мы право сомнѣваться въ этихъ заявленіяхъ пророковъ о своихъ особенныхъ отношеніяхъ къ Богу?

Исслѣдователи отрицательнаго направленія, конечно, сомнѣваются. Они думаютъ объяснить эти заявленія пророковъ или намѣреннымъ обманомъ съ ихъ стороны, или невольнымъ самообманомъ. Пророки, будто бы, усвоили своимъ рѣчамъ высшій божественный авторитетъ только для того, чтобы осуществить свои политическія стремленія, патріотическія желанія или религіозно-просвѣтительныя идеи. Они хорошо понимали, что ихъ только тогда будутъ слушать, когда они станутъ говорить отъ имени Бога,—и вотъ они именно такъ

говорили. По мнѣнію другихъ изслѣдователей, всё выраже-
пророковъ объ ихъ божественномъ вдохновеніи были толь-
плодомъ ихъ одушевленія своими идеями. Пророки, будто-
настолько были увлечены своими идеями, что они каза-
ь имъ чемъ-то внѣшнимъ, какимъ-то таинственнымъ го-
омъ, идущимъ свыше,—и именно отъ Бога.

Можетъ-ли безпристрастный изслѣдователь, не желаю-
і намѣренно закрывать свои глаза предъ всѣмъ чрезвы-
нымъ въ исторіи, удовлетвориться приведенными объ-
еніями пророческихъ свидѣтельствъ объ ихъ посланниче-
ѣ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Конечно, исторія религіи знаетъ
намѣренныхъ обманщиковъ, и самообманутыхъ мечтателей
обныхъ Магомету, выдававшихъ себя за органы Боже-
а или даже за прямое воплощеніе его. Но эти параллели
подходятъ къ библейскимъ пророкамъ. Мы не можемъ
устить со стороны пророковъ намѣренного обмана, ка-
а-бы ни была его цѣль. Нравственная личность проро-
ъ выше всякихъ подозрѣній въ этомъ. Люди, которые съ
бенной энергіей возставали противъ лжи во всѣхъ ея про-
еніяхъ, которые совершенно пренебрегали своими интере-
и, которые за истину терпѣли изгнаніе, темницу и са-
ю смерть,—не способны были стать обманщиками и лже-
и. Но также мало мы можемъ видѣть въ пророкахъ и
ообманутыхъ мечтателей, смѣшивавшихъ голосъ собствен-
о сердца съ внушеніями божественными. Кому, въ са-
ль дѣлѣ, хотятъ приписать столь наивный самообманъ?
аи, который можетъ быть названъ величайшимъ полити-
гъ и лучшимъ ораторомъ своего вѣка, который орлинымъ
ромъ проникалъ мракъ временъ и сокровенные изгибы
овѣческой души! Нельзя забывать, что въ лицѣ библей-
ихъ пророковъ мы видимъ лучшихъ людей своего времени
своего народа, людей просвѣщенныхъ, имѣющихъ возвы-
нныя понятія и широкіе взгляды, обладавшихъ оратор-
имъ искусствомъ и литературными талантами,—людей,

мудрыхъ совѣтовъ которыхъ искали всѣ.) Въ такихъ людяхъ мы не можемъ допустить возможность наивнаго самообмана. И это тѣмъ труднѣе, что пророческія изреченія, въ которыхъ они усвояютъ своимъ словамъ божественный авторитетъ, не появляются только въ рѣдкихъ случаяхъ: вся пророческая письменность, составлявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, полна ихъ, при чемъ эти изреченія отличаются аподиктическимъ характеромъ и полною ясностью. Пророки хорошо знаютъ возможность самообмана, возможности принимать за откровенія божественныя внушенія собственнаго человѣческаго сердца. Для нихъ несомнѣненъ фактъ смѣшенія противоположностей въ моральной и интеллектуальной области, фактъ существованія лжепророковъ. И если предъ лицомъ такихъ фактовъ они утверждаютъ, что слышатъ голосъ Божій, то мы не можемъ не вѣрить этому, хотя и не понимаемъ тайны этого слышанія. Во всякомъ случаѣ никто не имѣетъ права назвать это наивнымъ самообманомъ, проистекавшимъ изъ недостатка психологическаго наблюденія.

Отмѣченное нами сознаніе пророками своего чрезвычайнаго значенія и посланничества отъ Бога не было только ихъ личнымъ сознаніемъ: оно раздѣлялось и всѣмъ народомъ израильскимъ, который видѣлъ въ пророкахъ людей, обладающихъ особеннымъ знаніемъ, знающихъ волю Божию, обладающихъ сверхъестественной силой чудотворенія.

Но отрѣшимся отъ свидѣтельствъ пророковъ о себѣ. Возьмемъ явленіе ветхозавѣтнаго профетизма въ его цѣлости и посмотримъ, представляетъ-ли оно что-либо чрезвычайное, превосходящее мѣру явленій, исчерпывающихся естественными причинами.

Въ этомъ отношеніи, всѣ изслѣдователи, занимавшіеся пророчествомъ, признаютъ, что сумма религіозно-нравственныхъ истинъ, высказанныхъ пророками, превышаетъ все, что дала естественная мудрость древняго міра. „Исторія всего

человѣчества“, говоритъ, напр., одинъ изъ нихъ, „не выдвинула ничего, что хотя бы отдаленно могло быть сравниваемо съ пророчествомъ: благодаря своему пророчеству, Израиль сталъ пророкомъ человѣчества“. Но особенное значеніе, въ данномъ случаѣ, имѣетъ то, что въ пророческихъ рѣчахъ содержались предсказанія такихъ будущихъ событій, которыя не могли быть предвидѣны обычнымъ человѣческимъ умомъ и знаніе которыхъ доступно одному Богу. Библия приписываетъ много подобныхъ предсказаній пророкамъ. Современные изслѣдователи враждебнаго христіанству направленія, напротивъ, пытаются отвергнуть существованіе подобныхъ предсказаній. Одни изъ этихъ предсказаній они считаютъ не подлинными, — позднѣе, послѣ событій приписанными пророкамъ, другія перетолковываютъ и объявляютъ неисполнившимися. Однакоже, никакая критика, не обращаясь въ произволъ, не можетъ не признать, что въ Библии дѣйствительно есть предсказанія будущаго и что эти предсказанія удивительнымъ образомъ исполнились. Такъ, никакая добросовѣстная критика не можетъ отрицать, что великіе перевороты въ исторіи израильскаго народа были опредѣлены пророками задолго до осуществленія ихъ и опредѣлены съ полною рѣшительностью и точностью. Почти за цѣлое столѣтіе до паденія десятицолѣннаго царства Амосъ съ полною увѣренностью говоритъ объ отведеніи жителей его въ плѣнъ, о разрушеніи городовъ, о разсѣяніи Израиля по всѣмъ народамъ. Съ такою же увѣренностью говоритъ о катастрофѣ и младшій современникъ Амоса — Осія. Можно-бы указать для объясненія этихъ предсказаній на то, что во времена названныхъ пророковъ существовали ясныя признаки разложенія и близкаго паденія царствъ и что сами пророки отмѣчаютъ цѣлый рядъ нестроеній въ нихъ. Однако-же не нужно забывать, что нестроенія, обличаемыя пророками, существовали болѣе или менѣе во всѣхъ государствахъ востока и жалобы на нихъ могли высказываться въ

любую эпоху. Такимъ образомъ, сами по себѣ нестроенія общественной жизни не могли еще служить основаніемъ для увѣренности въ скорой гибели царства. Мы, дѣйствительно, видимъ иногда, что несмотря на высшую ступень безнравственности, обличаемую пророкомъ, онъ все-таки увѣренъ, что бѣдствіе отвратимо. Примѣромъ этого можетъ служить предсказаніе Исаи о судьбѣ іудейскаго царства во время сирско-израильской войны. Нравственное состояніе іудейскаго царства было, по изображенію Исаи, печально и достойно наказанія. Самыя вѣшнія обстоятельства были таковы, что отнимали надежду на спасеніе: соединенныя неприятельскія войска, опустошивъ страну, подступили уже къ самымъ стѣнамъ Іерусалима и готовились осуществить свои замыслы. И однакоже Исаія съ увѣренностью говоритъ: „это не состоится и не сбудется“. Въ то же время онъ съ рѣшительностью предсказываетъ будущее опустошеніе Іудеи ассиріянами, несмотря на то, что въ данный моментъ они были союзниками (гл. 7).

Никакая критика не можетъ, далѣе, отрицать исполненіе пророческихъ предсказаній о судьбѣ языческихъ народовъ—Вавилонянъ, Ассиріянъ, Едомитянъ, Моавитянъ и др. Къ какому-бы позднему времени мы ни относили происхожденіе этихъ пророчествъ, несомнѣнно, одно, что они произнесены все-таки въ такое время, когда признаковъ гибели этихъ народовъ не было. Пророчество Исаи о судьбѣ Вавилона, по мнѣнію крайнихъ критиковъ, не можетъ быть относимо все-таки позднее, чѣмъ ко времени завоеванія города персами. Вавилонъ въ то время еще оставался столицей, многолюднѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ міра, и однакоже пророкъ съ увѣренностью говоритъ: „И Вавилонъ, краса царствъ, гордость Халдеевъ, будетъ ниспроверженъ Богомъ, какъ Содомъ и Гоморра. Не заселится никогда и въ роды родовъ не будетъ жителей на немъ. Не раскинетъ аравитянинъ шатра своего, а пастухи со стадами не будутъ

отдыхать тамъ. Но будутъ обитать въ немъ звѣри пустыни, и дома наполнятся филинами, и страусы поселятся, и коматые будутъ скакать тамъ. Шакалы будутъ выть въ чертогахъ ихъ, и гіены въ увеселительныхъ домахъ“ (13, 19—22). Для обычнаго человѣческаго взора такая судьба Вавилона была-бы столь-же невѣроятной, какъ для насъ, напр., невѣроятнымъ было-бы предсказаніе о гибели Лондона, Парижа или другого какого-либо центра. И однакоже пророкъ не только ждетъ гибели Вавилона, но съ увѣренностью предсказываетъ ее. И исторія свидѣтельствуетъ, что это предсказаніе осуществилось удивительнымъ образомъ. Многочисленные путешественники, посѣщавшіе область Вавилона, подтверждаютъ это все въ одинъ голосъ. Вотъ что, напр., говоритъ объ этомъ Гильпрехтъ, долго жившій въ Вавилонѣ. „Это Вавилонъ—это поистинѣ страна гробовъ и молчанія. Простертая рука Божія тяготѣетъ надъ несчастною землею уже двѣ тысячи лѣтъ. Слово Исаи *какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари! разбился объ землю попиравшій народы,*—звучить, какъ погребальная пѣснь надъ разсыпавшимися стѣнами Вавилона, отдается насмѣшливымъ эхомъ пророческаго проклятія отъ упавшихъ башенъ и храмовъ Нуффара и Варки... Запустѣніе и безграничное разрушеніе, характеризующія нынѣшнюю Вавилонію, таковы, что, хотя я въ послѣдніе 14 лѣтъ многократно посѣщалъ эту страну, она все еще не перестаетъ производить на меня потрясающее впечатлѣніе. Страна выглядит такъ, какъ будто-бы здѣсь Богъ ниспровергъ Содомъ и Гоморру. Безчисленные большіе и малые каналы, которые, подобно питаемымъ жиламъ, прорѣзывали во всѣхъ направленіяхъ богатую равнину и несли жизнь и плодородіе во всякую деревню и на всякое поле, давно уже засыпаны мусоромъ и емлею. Не очишаемые усердными руками, не питаемые болѣе Тигромъ и Евфратомъ, они мало по малу совершенно были занесены пескомъ. Сказочное плодородіе Вавилоніи, мо-

жетъ быть, не исчезло совсѣмъ, но оно заснуло. Почва сожжена, покрыта обломками и селитрой и во многихъ мѣстахъ занесена летучимъ пескомъ на 3—4 фута. Осенью и зимой Вавилонія подобна песчаной пустынь, а весной и лѣтомъ она становится въ большей части неудобнымъ для жительства болотомъ. Въ періодъ ежегоднаго наводненія повсюду въ застаивающихся водахъ появляется роскошная растительность. Большія стаи птицъ съ блестящимъ опереніемъ населяютъ болота. Черепахи и змѣи путешествуютъ по большимъ дорогамъ, образуемымъ въ лагунахъ древними каналами и безчисленныя маленькія жабы гнѣздятся въ тростникѣ, тихо шумящемъ отъ восточнаго вѣтра. Дикіе звѣри, кабаны, быки, гіены и шакалы населяютъ камыши или развалины. Здѣсь и тамъ возвышается изъ ядовитыхъ болотъ какой-нибудь болѣе значительный кусокъ земли, огражденный земляною насыпью, низкій островъ, или уединенная гряда развалинъ, какъ нѣмой свидѣтель минувшаго величія. Бродячіе номады на сѣверѣ и югѣ, тупые обитатели болотъ въ центрѣ являются теперь наследниками разрушеннаго царства Новуходоносора. Какой контрастъ между древней цивилизаціей и теперешнимъ вырожденіемъ! Нѣкогда, насколько достигалъ глазъ, роскошныя пальмовыя рощи, волнующіяся хлѣбныя поля, цвѣтушіе города и дома, страна, которую мы такъ охотно называемъ колыбелью человѣчества, а теперь—открытая земля Нодъ, куда убѣгаютъ дезертиры и преступники, страна запустѣнія и невѣжества, эльдорадо для разбойниковъ и убійцъ“.

Подобными свидѣтельствами объ удивительномъ исполненіи пророческихъ предсказаній о судьбѣ разныхъ народовъ можно бы наполнить цѣлую книгу¹⁾. Очевидно, что это исполненіе есть фактъ, устранить который нельзя.

¹⁾ Ср. Кейтъ, Доказательство истинности пророчествъ. СПб. 1874.

Такимъ же несомнѣннымъ фактомъ должно признать исполненіе пророческихъ предсказаній о Мессіи, Спасителѣ міра. Можно спорить о томъ, сколько этихъ предсказаній, можно перетолковывать нѣкоторые изъ нихъ, относящіяся къ отдѣльнымъ событіямъ, но нельзя отвергать того, что пророки дѣйствительно возвѣстили явленіе Спасителя міра за много вѣковъ, что за цѣлыя столѣтія впередъ они изображали Его такимъ, какимъ Онъ пришелъ и начертали судьбы христіанства. 53-я глава Исаіи, изображающая страданія будущаго Избавителя человѣчества, столь удивительно соотвѣтствуетъ всему, совершившемуся на Голгоѣѣ, что по справедливости можетъ быть названа написанной у подножія креста Христова. Вообще справедливо говорить одинъ авторъ о мессіанскихъ пророчествахъ: „Согласіе многочисленныхъ пророчествъ о Мессіи въ существенныхъ пунктахъ предсказанія, весь организмъ предсказаній отъ первоевангелія до пророчества о послѣднемъ судѣ, сліяніе предсказаній со всею исторіей народа, — дѣлаетъ доказательную силу ихъ неотразимой“.

Таковы факты, представляемые намъ исторіей пророчества. Вѣрующая мысль можетъ объяснить ихъ только тѣмъ, что пророки были органами всевѣдущаго Бога, что, по слову Апостола, они говорили, будучи движимы Духомъ Святымъ (2 Петр. I, 21). По библейскому возрѣнію, знаніе будущаго принадлежитъ одному только Богу. Въ этомъ знаніи будущаго библейскіе писатели и полагаютъ отличіе Іеговы отъ боговъ языческихъ. „Пусть они“, говоритъ Исаія о богахъ языческихъ, „пусть они представляютъ и скажутъ намъ, что произойдетъ; пусть возвѣстятъ что-либо прежде чѣмъ оно произошло. Скажите, что произойдетъ; пусть возвѣстятъ что-либо прежде чѣмъ оно произошло. Скажите, что произойдетъ въ будущемъ, и мы будемъ знать, что вы боги“ (Ис. 41, 22—23). Въ то же время Іегова о Себѣ самомъ устами Исаіи свидѣтельствуетъ: „Я возвѣщаю отъ начала,

что будетъ въ концѣ и отъ древнихъ временъ то, что еще не сдѣлалось“ (46, 10). „Я, Господь, проникаю сердца и испытываю внутренности“.

Что можно возразить противъ этого библейскаго объясненія факта пророческихъ предсказаній? Говорятъ: силы человѣческаго духа извѣстны намъ не во всей ихъ полнотѣ и потому мы не можемъ еще съ увѣренностью утверждать, чтобы знаніе будущаго, обнаруживаемое въ пророчествахъ, лежало за предѣлами естественныхъ силъ человѣка. При этомъ обыкновенно напоминаютъ о томъ, что многое, считавшееся нѣкогда непонятнымъ и сверхъестественнымъ, по мѣрѣ расширенія области человѣческихъ познаній, становилось яснымъ и оказывалось естественнымъ.

Но едва-ли справедливъ этотъ крайній скептицизмъ. Едва-ли для признанія чего-либо превышающимъ силы человѣческія нужно ждать и требовать окончательнаго изученія человѣка. Напр., для увѣренности въ томъ, что человѣкъ не въ состояніи поднять земной шаръ, вовсе не требуется ждать того времени, когда будутъ изучены въ точности всѣ мускулы и нервы человѣческаго тѣла и всѣ законы механики. Невозможность здѣсь ясна сама собою и признается всѣми. Равнымъ образомъ, для здраваго смысла очевидно, что мы не можемъ знать съ увѣренностью того, что еще не существуетъ и для познанія чего нѣтъ точекъ опоры ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ. Законы нашего обычнаго мышленія, неизмѣнность которыхъ является необходимымъ условіемъ всякаго изслѣдованія, не допускаютъ такого знанія. И если мы видимъ, что подобнымъ знаніемъ обладали пророки, то мы *обязаны* признать чрезвычайность, сверхъестественность этого факта,—его божественное происхожденіе.

Но, возражаютъ намъ далѣе, фактъ пророческихъ предсказаній не есть что-либо исключительное. Исторія знаетъ немало такихъ предсказаній, которыя исполнились и для объясненія которыхъ мы, однако, не считаемъ нужнымъ при-

бѣгать къ божественному вмѣшательству. Равнымъ образомъ, говорятъ, исторія свидѣтельствуегь, что у всѣхъ народовъ древности были прорицатели или мантики, приписывавшіе себѣ общеніе съ божествомъ и усвоившіе даръ проникать въ божественные совѣты и ихъ истолковывать.

У грековъ, напр., были не только отдѣльные прорицатели, какъ Тирезій, Калхасъ, Полидамъ, но существовали цѣлыя учрежденія, въ родѣ оракуловъ въ Дельфахъ или Додонѣ, имѣвшія своей задачей предсказывать будущее.

Мы должны сказать, что факты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, давно извѣстны апологетамъ Библии, и тѣмъ не менѣе они не колеблютъ изложеннаго выше взгляда на происхожденіе библейскихъ пророчествъ. Всѣ предсказанія, на которыя указываютъ, какъ на аналогію для библейскихъ пророчествъ, существенно отличаются отъ послѣднихъ. Имъ, прежде всего, не достаетъ той ясности, которая принадлежитъ библейскимъ пророчествамъ, и они не выходятъ за предѣлы простыхъ предположеній. Въ этихъ предсказаніяхъ, далѣе, выступаетъ моментъ рефлексіи, разсужденія, такъ-что они болѣе имѣютъ характеръ логическихъ заключеній, чѣмъ выраженій непосредственнаго чувства. Когда, напр., философъ Беконъ предсказывалъ; что со временемъ будутъ строить разнаго рода машины, способствующія быстрому передвиженію, когда Лейбницъ говорилъ, что распространившіяся въ его время разнузданныя мнѣнія приведутъ къ революціи, когда нашъ родной поэтъ съ увѣренностью утверждалъ, что онъ своими пѣснями воздвигъ себѣ нерукотворный памятникъ, къ которому не заростетъ народная тропа,—то все это мы напрасно будемъ приравнивать къ библейскимъ пророчествамъ: здѣсь только послѣдовательные логическіе выводы, сдѣланные умными людьми изъ общепризнанныхъ положеній и хорошо выяснившихся фактовъ.

Равнымъ образомъ, и фактъ существованія прорицаній или мантики у всѣхъ древнихъ народовъ не можетъ быть

сравниваемо съ библейскимъ пророчествомъ. Можно-бы много говорить объ отличіи языческихъ прорицаній отъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Но для нашей цѣли достаточно указать на слѣдующее.

Цвѣтущее время языческихъ прорицаній вездѣ падаетъ на періоды, предшествующіе развитію культуры. Напр., у Грековъ, всѣ любимцы боговъ, удостоивавшіеся общенія съ ними, каковы Тирезій, Калхасъ, Полидамъ и др., жили, во времена миѳическія. Въ періодъ же культурнаго процвѣтанія Греціи прорицатели и гадатели считались простыми обманщиками, а оракулы служили предметомъ насмѣшекъ для философовъ и поэтовъ. Такимъ образомъ, свѣтъ знанія подорвалъ въ корнѣ языческую мантику и она не могли устоять предъ нимъ. Не такова была судьба ветхозавѣтнаго пророчества: оно не исчезло предъ свѣтомъ знанія; оно существовало не въ до-историческія только времена еврейскаго народа, а на всемъ протяженіи исторіи. Мало того, особенное значеніе пророчество получило именно тогда, когда стала процвѣтать письменность и сдѣлалась сильна рефлексія. Это показываетъ, что въ пророчествѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ совершенно иного порядка. Значитъ, и объяснять его нельзя такъ, какъ объясняютъ языческія прорицанія.

Вообще, рассматривая сходныя по внѣшности съ библейскимъ пророчествомъ явленія, мы можемъ сказать, что стремленіе вступить въ общеніе съ божествомъ и узнать божественную волю существовало у всѣхъ народовъ. Но гдѣ не было помощи свыше, тамъ это стремленіе не только оставалось безплоднымъ, но и служило источникомъ грубыхъ суевѣрій и обмана. Только въ пророчествѣ это стремленіе было удовлетворено, потому что пророковъ воздвигалъ самъ Богъ, благоволившій непосредственно открывать имъ свою святую волю.

Вл. Рыбинскій.

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

www.bible-mda.ru

Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской духовной академии (<http://www.mpsda.ru>), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Димитрий Юревич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте.

На сайте кафедры

www.bible-mda.ru

- ✓ электронные книги для свободной загрузки
- ✓ информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе
- ✓ информация об издаваемых кафедрой новых книгах
- ✓ методические материалы по библеистике
- ✓ пособия и источники для изучения Священного Писания

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ПОДДЕРЖКИ
ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ПРОСВЕЩЕНИЯ
«СЕРАФИМ»**

www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Наша главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской духовной академии.

На сайте Фонда

www.seraphim.ru

- ✓ информация о деятельности Фонда
- ✓ информация о проектах, осуществляемых Фондом
- ✓ контактная информация для связи с представителями Фонда
- ✓ возможность заказа он-лайн книги и компакт-диски, подготовленные к изданию при участии Фонда